

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава I	17
Глава II	36
Глава III	51
Глава IV	78
Глава V	102
Глава VI	127
Глава VII	161
Глава VIII	180
Глава IX	199
Глава X	224
Глава XI	254
Глава XII	274
Глава XIII	281
Глава XIV	301
Глава XV	319
Эпилог	343
Благодарности	349

Caelum non animum mutant qui trans mare.

(Те, кто едет за море,
меняют лишь небо, но не душу.)

Гораций

ПРОЛОГ

«...и тогда Великий Оманоске понял, что не способны более духи и люди существовать вместе. И решил он закрыть Врата, что соединяли два мира, чтобы не могли более духи проникать в мир людей и вносить хаос в жизни смертных. Собрал он всю свою силу, подобной которой не видел еще мир, и запечатал ею Врата. И была эта печать, наложенная смертным, столь крепка, что ни один злобный дух не смог сломать ее, хоть многие и пытались.

Так и закончилась эра ведовства. Не могли большие люди заключать союзы с духами, чтобы получить часть их могущества. Но остались среди людей те, кто мог открыть духам путь в этот мир, и были то потомки Великого, в чьих жилах текли его кровь и его сила...»

Шум во дворе отвлек Рю от чтения, и юноша с тяжелым вздохом захлопнул книгу.

До начала церемонии оставалось всего несколько минут, и нужно было еще успеть добраться до главного зала. Рю вернул том обратно на полку, поправил помяв-

шуюся одежду и в последний раз окинул взглядом свое любимое место в поместье. В библиотеке царил полумрак, лишь кое-где многочисленные пылинки танцевали в полосах солнечного света, пробивающегося через щели между ставнями. Три ряда высоких полок уходили в темноту в дальнем конце помещения, каждая плотно заставлена толстыми книгами в кожаных переплетах или аккуратными ровными стопками свитков из дорогого пергамента. Рю всегда следил за порядком в библиотеке и теперь, глядя на нее в последний раз, с грустью подумал, что без него все это собрание рискует прийти в упадок. Но выхода не было. Тяжело вздохнув, юноша выскользнул из здания в узкий проулок поместья.

Он хотел добраться до главного зала как можно быстрее и незаметнее, но не тут-то было.

— Рю! Вот ты где! Снова читал свои пыльные книжонки?

Кто бы мог подумать, Орта, «любимый» старший братец. Принесла же его нелегкая!

У Рю не было настроения отвечать на колкости брата, только не сегодня. Орта, старший сын их отца от первой жены, всегда относился к Рю как к ущербному, и тому с самого детства приходилось отбиваться от его нападок. Но сегодня был особенный день.

— Нервничаешь перед церемонией? — не унимался Орта, и в его голосе не было ни намек на участие. — Немудрено, уверен, отец упечет тебя куда подальше!

И Орта, гордо вздернув подбородок и явно ощущая вкус победы, направился в сторону главного зала. Но Рю почти не обратил внимания на слова брата. Этот день

действительно обещал стать поворотным в его жизни, вот только совсем не в том смысле, о котором думал Орта.

В зале было шумно, многолюдно и душно. Гвалт поднимался под самую поддерживаемую ажурными колоннами крышу, отражался от нее и возвращался обратно, усиленный стократ. Подушки для сидения лежали так плотно, что под ними едва виднелся пол, и почти все они уже были заняты. Еще бы, сегодня в поместье собралась вся семья до, кажется, десятого колена, и все эти многочисленные представители рода Омано пытались разместиться в явно не предназначенном для этого помещении. К счастью, для Рю и других участников церемонии было выделено отдельное место в самом центре зала, рядом с возвышением, где уже восседал его отец — нынешний глава семьи — Атума Омано. Сегодня он выглядел даже более серьезным и уверенным, чем обычно, хотя Рю не до конца понимал, как такое вообще возможно. Юноша усмехнулся про себя, невольно чувствуя удовлетворение от перспективы испортить отцу столь важную для его репутации церемонию, но тут же устыдился своих мыслей. Рю знал, что планирует совершить немислимое и тем самым покрыть имя своего отца позором, и это угнетало его. Он всегда хотел, чтобы отец гордился им, но ничего не вышло, и вот настал день окончательно и бесповоротно отказаться от этой мечты.

Вскоре после того, как Рю занял отведенную ему подушку, Атума громогласно призвал всех присутствующих к тишине. Когда все наконец расселись по своим

местам и гам утих, глава семьи начал традиционную речь:

— Дети рода Омано! Мы собрались здесь, чтобы отметить вступление наших сынов и дочерей во взрослую жизнь! Сегодня мы определим судьбу каждого из них и призовем благословение великих духов, чтобы те осветили их путь своей благодатью!

Дальнейшую речь Рю слушал вполуха. За спиной отца и еще нескольких десятков гостей за окном теплое летнее солнце ласкало лепестки ярко-красных цветов, высаженных когда-то его матерью. Юноша в очередной раз порадовался тому, что она не дожидается до этого дня и что поступок, который он совершит сегодня, не сможет причинить ей боль. Будь матушка здесь, не факт, что он смог бы воплотить задуманное в жизнь. «Великие духи, укутайте ее душу своим светом», — помолился Рю и перевел взгляд на отца, который уже почти закончил говорить. Решающий момент приближался.

— А теперь время определить судьбу моего младшего сына! — провозгласил Атума. — Рю, поднимись!

Юноша подчинился.

— Старейшины клана избрали для тебя службу в замке Яото! — Конечно же, они выбрали самый северный замок, прямо на границе с дикими землями. Обитатели замка и сами недалеко ушли от варваров, от которых защищают земли Гирина. — Принимаешь ли ты свою судьбу?

Рю в очередной раз удивился, что для церемонии совершеннолетия избрали именно эту формулировку: можно же было как-то завуалировать тот факт, что

в роду Омано было не принято принимать самостоятельные решения. Он обвел взглядом окружающих его родственников, а потом, выпрямившись, так гордо и уверенно, как только мог, посмотрел отцу прямо в глаза и сказал только одно слово:

— Нет.

По залу прокатился шокированный шепот, куда более громкий, чем позволяли приличия. Отступить было некуда.

Рю видел, как напрягся отец, как заиграли желваки на его щеках, но когда Атума заговорил, его голос был таким же твердым и спокойным, как и всегда:

— Уверен ли ты в своем выборе? Отказавшись принимать свою судьбу, ты должен будешь покинуть пределы поместья до захода солнца. Ты можешь взять с собой только свои вещи и своего коня. Ты более не будешь носить гордое имя Омано и не сможешь передать его своим потомкам!

Шум в зале все нарастал, и на последних словах голос Атумы все-таки дрогнул. Рю отчаянно хотелось верить, что отцу больно говорить такое своему младшему сыну, но он знал, что для главы рода Омано важны лишь репутация и положение. Придется удовлетвориться этой секундной потерей контроля. Поэтому, все так же глядя отцу прямо в глаза, Рю твердо произнес фразу, которую повторял про себя множество раз в последние дни:

— Я, Рю, отныне отрекаюсь от рода Омано. И впредь буду сам выбирать свою судьбу.

После он выдержал паузу, продолжая смотреть на отца. Тот тоже не отводил взгляда, и, даже несмотря на

разделяющее их расстояние, Рю почти физически чувствовал ярость Атумы. Но Рю много раз приходилось сталкиваться с гневом главы семейства, и он выдержал его не дрогнув.

Он сделал это! Столько лет он терпел презрение, издевки и пренебрежение и наконец-то дал отпор своей семье, своему клану. Его поступок был церемониальным эквивалентом плевку в лицо и предполагал далеко идущие последствия. В Гиринах без имени делать было нечего. Род, к которому принадлежал человек, определял его место в обществе, его занятие и отношение к нему окружающих. Имя рода — первое, о чем спрашивали при знакомстве, и последнее, что произносили, предавая тело усопшего огню. И не было для гиринца ничего страшнее потери этого имени, ведь оторванный от рода человек мог рассчитывать лишь на жизнь нищего или преступника. Даже монахи не брали в свои ряды тех, кого отверг род. Так что добровольное отречение от своей семьи для большинства было чем-то невыносимым, особенно когда речь шла о таком знаменитом клане, как Омано. И Рю был уверен: все собравшиеся родственники сейчас гадают, что теперь с ним станет. Но то, что он задумал, не привиделось бы им даже в горячечном сне.

Когда шум в зале наконец начал стихать, Рю развернулся и двинулся к выходу. Люди расступались перед ним. Хотя правильнее было бы сказать, что они с ужасом или отвращением отшатывались в сторону, когда он проходил мимо. В последний раз кто-то из отпрысков Омано отрекался от семьи несколько сотен лет назад, и Рю не сомневался, что его сегодняшний посту-

пок будет обсуждаться в коридорах поместий и дворцов столицы примерно столько же.

Единственной, кто не отшатнулась от него, была Кора, его младшая сестра. Девочка подняла на него мокрые от слез глаза и хотела было что-то сказать, но нянька жестко отдернула ее за руку. Сердце Рю сжалось. Они с сестрой всегда были близки. Малышка Кора любила холодными зимними вечерами слушать истории, которые Рю находил в старых книгах. Но он знал, что традиции семьи слишком крепко сидят в сознании девочки и она никогда не последовала бы за ним в изгнание. С ранних лет Кора только и мечтала о том, как старейшины выберут ей богатого и уважаемого мужа, которому она родит сильных наследников. И истории, которые она хотела слышать, всегда повествовали о великих воинах и их верных женах.

«Прости меня, Кора, — подумал Рю, в последний раз глядя на сестру, — но я должен был выбрать себя».

У конюшни его уже ждал конь, в седельных сумках которого поместились все немногочисленные пожитки младшего сына рода Омано. Рю ласково потрепал животное по морде и в последний раз окинул взглядом поместье. Солнце почти достигло зенита, и в его жестком ярком свете все виделось особенно четким: темно-зеленые черепичные крыши и расписные колонны, небольшие остроконечные алтари, посвященные различным духам, две скульптуры мифических зверей-охранников у ворот, аккуратно остриженные деревья и ярко раскрашенные ажурные беседки в саду. Было тихо, все обитатели поместья все еще находились в главном зале, где продолжалась церемония совершенноле-

тия. Залитый солнцем и безлюдный, родной дом вдруг показался Рю не более чем красивой иллюстрацией в книге. Впрочем, для него это место теперь и правда было не более доступно, чем волшебные сады и дворцы с гравюр.

«Сегодня начинается моя новая жизнь!» — с этой мыслью он направил коня к воротам, чтобы более никогда не возвращаться.

Бравада и уверенность рассеялись где-то через полчаса, и на смену им пришли сомнения. Порвать все связи с прошлым было удивительно легко. Но вместе с семьей, которая никогда его не принимала, в прошлом осталась и стабильность, которую давали жесткие традиции Омано. Сколько себя помнил, Рю знал, чем будет заниматься сегодня, завтра и даже в следующем месяце. Жизнь в поместье текла размеренно и по четкому плану. Но он оставил ее позади, и будущее из ярко освещенной дороги превратилось в темную предательскую тропу по краю обрыва. Когда осознание своего положения наконец накрыло юношу, он испытал страх столь сильный, что едва мог дышать. Ему пришлось вспомнить все, чему его учил мастер Роута, чтобы сосредоточиться и трясущимися руками направить коня в ближайшую рощу.

Въехав в нее, Рю кое-как сполз с коня и накинул повод на низкорастущую ветку. К счастью, неподалеку протекал небольшой ручеек, и Рю, упав рядом с ним на колени, плеснул себе холодной водой в лицо. Он делал это до тех пор, пока дыхание не успокоилось и сердце не перестало бешено колотиться в груди. Тогда юноша